

Неизвестно, сможет ли он снова легко влиться в круги столицы.

Однако с братом Сюем рядом он не боялся.

Днем к нему зашел агент с радостным лицом.

— Чжишу, твоя удача наконец повернулась к тебе! — он отодвинул наполовину упакованные вещи Линь Чжишу. — Скоро начнется церемония вручения премии «Золотая ласточка», и фильм, который ты снял в прошлом году, уже номинирован! Остайся, и, возможно, ты получишь награду за лучшую мужскую роль второго плана!

Агент и сам не ожидал, что его подопечному так повезет.

Тот фильм был малобюджетным и нишевым, но вдруг получил номинацию.

А еще был Кевин Уайт, который преследовал Линь Чжишу.

Неужели он осмелился соперничать с наследником семьи Джеймс?

Теперь ему, конечно, сломали ногу.

Семья Уайт, не имея оснований, больше не позволяла Кевину Уайту поступать так, как ему вздумается.

Сяо Инь, весь день находившийся в хорошем настроении, перед уходом с работы получил сообщение, которое его разочаровало.

[Линь Чжишу]: Брат Сяо, у меня еще остались нерешенные дела, возможно, вернусь через некоторое время, спасибо за заботу, привезу тебе подарок.

Сяо Инь, сидя в машине, снял очки и устало потер переносицу.

Ему не нужны были подарки, если только они не приносили с собой бесконечное чувство беспомощности, вызванное тщетными мечтами и упрямством. Может, пора сдать?

Спустя долгое время Сяо Инь ответил Линь Чжишу.

Чувство разочарования еще не совсем улеглось, и он прямо, как бы предупреждая себя, что это в последний раз, напомнил Линь Чжишу:

— Чжишу, у меня нет права влиять на твои решения, но ты должен хорошо подумать, брат Сюй и тот человек очень близки. Если ты не вернешься сейчас, боюсь, вы больше не сможете вернуться к прежним отношениям. Никто не может ждать другого вечно, особенно если чувствует, что ответа не будет. И Гу Син действительно очень харизматичный человек.

Через десять минут Линь Чжишу ответил.

Сяо Инь, глядя на холодное и отстраненное «спасибо», с горькой улыбкой произнес:

— Сяо Инь, ты настоящий дурак!

Линь Чжишу побледнел. «Так его зовут Гу Син?»

Он собрался с духом и позвонил агенту:

— Я решил, буду участвовать в борьбе за лучшую мужскую роль второго плана.

Линь Чжишу сказал себе, что успеет.

Премия «Золотой виноград» была очень престижной, и результаты объявят через два месяца.

Брат Сюй шесть лет ни с кем не был.

С Гу Сином они вместе меньше полугода, и он всего лишь моя замена, не о чем беспокоиться.

Гу Син, о котором Сяо Инь говорил как о «очень харизматичном», после душа устроился в постели.

Он потер щеки, уставшие от улыбок во время съемок рекламы, и с удовольствием растянулся посередине большой кровати, ожидая, когда сон возьмет свое.

Через десять минут дверь спальни открылась.

Гу Син, еще не заснувший, вскочил.

В свете коридорного света силуэт мужчины был стройным и высоким.

Гу Син:

— Брат Чэн?

Если бы Гу Син не лег спать совсем недавно, он бы подумал, что это сон.

Но под его взглядом мужчина, одной рукой все еще держащий дверную ручку, тихо ответил:

— Да.

Была ли это тишина ночи, или что-то еще, но Гу Сину показалось, что голос властного президента Чэна звучал мягко, почти нежно.

Как будто... шепот влюбленного?

Весь диалог состоял всего из трех слов.

Гу Син, вскочивший с постели, наблюдал, как Чэн Дунсюй быстро подошел к нему.

Он не включил свет, и полы его длинного тонкого пальто развевались, неся с собой пыль и нетерпение.

Затем Гу Син оказался прижатым к кровати.

Одной рукой он все еще был под одеялом, с трудом пытаясь высвободить ее.

— Не двигайся, грязно, — Чэн Дунсюй, почувствовав знакомый запах геля для душа, машинально произнес.

Затем он усмехнулся:

— Весь в поту, пойдешь со мной в душ?

Для них двоих «душ» был не просто гигиенической процедурой, но и негласным видом спорта.

Гу Син был уставшим.

Но, вероятно, из-за мужской природы, когда дело доходило до определенных вещей, он готов был встать даже из последних сил, и «не могу» просто не существовало.

Он не сказал ни слова, а свободной рукой начал исследовать тело властного президента Чэна.

Знакомые, сильные и полные жизни мышцы пробудили множество воспоминаний.

Затем Гу Син был вытасчен из-под одеяла.

Его пронесли до ванной, пижама осталась у изголовья кровати, а штаны упали на пол у самого входа.

Теплая вода стекала по лицу, но спина, прижатая к холодной плитке, ощущала ледяной холод.

Гу Син был прижат к стене, его шея, тонкая и изящная, обнажилась перед глубоким взглядом мужчины.

Тот агрессивно захватывал его дыхание, но и сам поддавался его соблазну.

Он протянул руку, чтобы взять его:

— Все, сейчас же... мм...

Первый раз был страстным, даже без лишних слов.

Гу Син с облегчением вздохнул, позволяя властному президенту Чэну позаботиться о последствиях, его копчик еще слегка немел, и он с легким облегчением произнес:

— Хорошо, что завтра нет работы.

Он взял пять дней отпуска, все было заранее распланировано.

Первый и пятый день ушли на дорогу и отдых, второй и четвертый — на съемки рекламы, а третий день после обеда — на встречу с фанатами.

— Это хорошо, — Чэн Дунсюй, прижавшись губами к его губам, пробормотал. — У меня тоже пока нет работы.

Гу Син почувствовал, как его тело снова начало реагировать, и понял, что не справится, попытался договориться:

— Я хочу спать, может, завтра?

Чэн Дунсюй, видя его усталость, согласился.

Гу Син знал, что этот человек всегда держал слово, и с облегчением наслаждался душем и массажем.

Чэн Дунсюй рассказал Гу Сину о своем визите в съемочную группу.

Глядя на широко раскрытые от удивления глаза ребенка, он поцеловал его веко.

Многие в съемочной группе видели его приезд, и Чэн Дунсюй не собирался это скрывать.

Но, рассказывая это лично, с легкой иронией, он избавился от того чувства гордости, которое испытывал в телефонном разговоре.

— Вот это совпадение! — Гу Син не мог поверить.

Чэн Дунсюй, видя его недоумение, невольно улыбнулся.

Он открыл шкаф, достал чистый банный халат:

— Как ты в съемочной группе?

— Все хорошо, — Гу Син, насытившись, начал клевать носом, даже не завязав пояс халата, полузакрытыми глазами прижался к все более заботливому властному президенту Чэну. — Тапочки все еще у кровати, будь добр.

Чэн Дунсюй поднял его, ожидая, что Гу Син продолжит.

Например, расскажет о Ван Шэньжане.

Тот человек, осмелившийся жаловаться на него в лицо, вряд ли вел себя спокойно в съемочной группе.

Если ребенку нужно, он мог бы увеличить инвестиции и заменить его на более спокойного человека.

Но продолжения не последовало.

Юноша, оказавшись в постели, укрылся одеялом, полузакрытыми глазами, с легкой леню, почти равнодушно произнес:

— Спокойной ночи, брат Чэн.

Да, равнодушно.

Чэн Дунсюй отчетливо осознал, что этот человек, казалось, никогда не думал полагаться на него, даже на мгновение.

Гу Син естественно справлялся со всеми делами и так же естественно соблюдал их договоренность, не переступая границ.

Но, как ни странно, сам Чэн Дунсюй начал негодовать по поводу такого четкого разделения.

Гу Син, в полусне, был прижат к груди, которая только что заставляла его трепетать.

Он недовольно нахмурился, но, поддавшись сонливости, не стал спорить, а просто толкнул:

— Жарко.

Но, даже толкнув, он не только не оттолкнул его, но и был прижат еще сильнее.

Человек, превратившийся в машину для удержания, казалось, включил и режим разговора:

— Я сказал режиссеру Лу, что ты мой парень.

Гу Син промолчал.

Он с трудом поднял веки, его ресницы, слегка загнутые вверх от сонливости, выглядели мило:

— Почему?

Чэн Дунсуй смотрел в чайные глаза юноши, в которых, помимо сонливости, было легкое любопытство.

Казалось, слова «мой парень» не имели к нему никакого отношения.

Чэн Дунсуй не знал, что он искал в этих глазах.

Спасибо всем, кто поддержал меня, голосуя или оставляя комментарии в период с 2020-04-24 23:45:39 до 2020-04-25 20:58:33!

Спасибо тем, кто бросил «громовую гранату»: не хочу писать каллиграфию — 1 шт.

Спасибо тем, кто поливал «живительной водой»: 36 210 893 — 6 бутылок; Чжицзы Цзю — 5 бутылок; Юй? Ни, Мочжу Юэ, Гуцзи — по 2 бутылки; Цзяоцзяо, Бэймакс, Ваньвань, Юохо — по 1 бутылке.

Огромное спасибо за вашу поддержку, я продолжу стараться!

<http://bllate.org/book/16158/1447848>